

Актуальные проблемы филологии: античная культура и славянский мир

Сборник научных статей

Выражаем искреннюю благодарность Посольству Республики Польша в Республике Беларусь, а также лично советнику Посольства госпоже Эльжете Щепаньской-Домбrowsкой за помощь в организации научной конференции и публикации материалов.

Минск
РИВШ
2011

УДК
ББК

Редакционная коллегия:
кандидат филологических наук *Л. А. Козловская*
доктор филологических наук *А. А. Кожина*
кандидат филологических наук *О. Г. Прокопчук*
доктор филологических наук *Е. Н. Руденко*
кандидат филологических наук *Е. С. Суркова*
К. А. Тананушко (отв. секретарь)
кандидат филологических наук *Г. И. Шевченко* (отв. ред.)

Издание осуществлено при поддержке
Посольства Республики Польша в Республике Беларусь

Актуальные проблемы филологии : античная культура и славянский мир : сб. науч. ст. / Белорусский государственный университет ; отв. ред. Г. И. Шевченко. — Минск : РИВШ, 2011. — 280 с.

ISBN

В сборник включены статьи белорусских и зарубежных исследователей, посвященные различным аспектам славянского и общего языкознания, а также классической филологии (история славянских и классических языков, этимология, описание лексической и грамматической систем современных и древних языков, лингвопоэтика, когнитивная лингвистика, диалектология, проблемы перевода и др.).

В основе сборника — доклады VII Супруновских чтений (Минск, 22—23 октября 2010 г.), прочитанные коллегами и учениками профессора А. Е. Супруна.

Рекомендуется славистам, филологам-классикам, специалистам в области диахронной лингвистики, истории, истории культуры.

В. С. ТОМЕЛЛЕРИ
ЛАТИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН
(НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ)

0. Периодизация переводной литературы.

Согласно периодизации истории древнерусской переводной литературы [Буланин 1995]¹, т. н. новгородский период, длившийся приблизительно 20 лет, характеризуется откровенной ориентацией со стороны архиепископа Геннадия и его сподвижников на западный мир; этот нетрадиционный шаг, по сути дела, вызвал смену культурных и религиозных образцов. До этого времени, за исключением деятельности солунских братьев и, естественно, славянской традиции в странах, принадлежащих к юрисдикции римской церкви, латинские источники, как правило, не привлекались. Говоря о латинстве Геннадиевского кружка, ученые обычно подчеркивают обращение к западной культуре, с течением времени навлекающее подозрение не только тогдашней церковной и центральной власти, но и последующих исследователей, возмущающихся из-за смелых поступков новгородского архиепископа.

1. Новгородская литература.

Таким образом, можно с полным правом утверждать, что «первые достоверные сведения о знакомстве восточных славян с латинским языком относятся к XV в.» [Дьячок, Шаповал 1987: 54]; А. И. Соболевский [1903: 39] высказывал поэтому мнение о том, что в России задолго до реформ Петра Первого прорубили окно в Европу. При этом возникают три вопроса.

Первый вопрос касается знакомства с латинским языком и уровня владения им в Московской Руси вообще и в Новгороде в частности. Нужно задаться вопросом не только о качественном аспекте работы над переводами, но и о количественном присутствии на восточнославянской территории квалифицированных переводчиков и толмачей, и о способах приобретения знаний по латинскому языку. Только глубокое изучение памятников переводной литературы позволит дать убедительный ответ на такой существенный вопрос. В последние десятилетия в этой области сделано много, но не меньше текстологической, источниковедческой и лингвистической работы еще впереди.

Второй вопрос фокусирует внимание на содержательной стороне явления: какая традиция проникает через посредство латинских текстов в восточнославянский мир? Античная традиция, оживленная гуманистическими стремлениями? Несмотря на время и место их возникновения, новго-

¹ 1. Моравский период (863—885); 2. Болгарский период (886—1018); 3. Киевский период (XI в. — 1262); 4. Южнославянский, т. е. среднеболгарский и сербский период (первая половина XIV в. — XV в.); 5. Новгородский период (1484—1504).

родские переводы конца XV — начала XVI в. представляют собой, вне всякого сомнения, чисто средневековую традицию; поэтому нельзя говорить о явлениях гуманизма на восточнославянской почве. В XVI в., даже при личной встрече с гуманистическим миром, восточные славяне не переставали обращать свое внимание на привычные им явления. Возьмем, например, случай появления Сказания о Богоматери в Лорето, записанный послами Василия Ивановича к папе Клименту «Еремием Трусовым с товарищи»: это загадочное сочинение, чей оригинал пока еще ждет своего первооткрывателя, толкуется исследователями как очевидное доказательство того, как чужда и непонятна была представителям русских образованных кругов возникшая в Италии ренессансная культура: в городах, кипевших жизнью, создававших великие творения нового светского искусства, русские путешественники якобы увидели только то, к чему они уже привыкли у себя дома» [Алексеев 1960: 184]. Только в конце XVI в. князь Андрей Михайлович Курбский развивал переводческую деятельность, создавая, уже в гуманистическом окружении, переводы с латинского и полемически противопоставляя их традиционным средневековым и, следовательно, некультурным взглядам и языковому поведению царя Ивана Грозного.

Нельзя пренебрегать тем обстоятельством, что возникновение книгопечатания в западной Европе с самого начала и до конца XV в. обозначало не культурную перемену, а просто ускорение в производстве традиционных средневековых сочинений.

Если обратить внимание на репертуар сочинений, переведенных в Новгороде в конце XV — начале XVI в., то станет ясно, что чрезвычайно интересное знакомство с латинским миром, несмотря на свое значение для развития восточнославянской культуры, не приносило никаких передовых или центробежных идей. Таким образом, нет основания считать Новгород и Псков центрами, просвещенными духом западной свободной мысли, влиянием гуманистических идей или даже присутствием демократических институций, как это делает, например, Исаченко в своей известной статье 1973 г., полной неприкрытой антисоветской полемики. Присоединение Новгорода к Москве «...оказывается не актом подавления демократии, а актом, в котором реализовалось социальное недовольство низов новгородского населения. Не было столкновения деспотизма и демократии. Было столкновение двух однородных сил феодализма, в котором новгородская боярская власть не получила поддержки со стороны народа» [Янин 2004: 18].

Третий вопрос более общего и принципиального характера: правильно ли называть этот период новгородским? На самом деле присоединение Новгорода к Москве происходило в 1478 г., за несколько лет до переводческой деятельности т. н. Геннадиевского кружка. Кроме этого, Геннадий был московским ставленником [Иван Федоров 1935: 9—10]; поэтому

трудно согласиться с теми, кто считает его предприятия, как, например, полный кодекс ветхо- и новозаветных книг по образцу латинской Вульгаты, плодом центробежной тенденции Новгорода: «Только что присоединенный к Москве Новгород не утратил еще своей центробежной инерции, поэтому характерно, что наиболее последовательным идеологом теократии латинского образца оказался новгородский архиепископ Геннадий» [Буланин 1995: 45]. Следовательно, мнение Виммер о том, что латинская традиция в Новгороде отражает инициативу и стремления центральной власти [Wimmer 2005: 7], заслуживает серьезного внимания.

2. Распространение латинской традиции вне Новгорода.

Корпус текстов, переведенных с латыни, подробно описан в посмертно изданной работе немецкой исследовательницы Виммер [Wimmer 2005]. В этом абзаце мы коротко остановимся на некоторых интересных, на наш взгляд, фактах, связанных с восприятием новгородско-латинской традиции у восточных славян. Начнем с Максима Грека, который писал в своем послании 1521—22 гг. московскому великому князю Василию III о переводе Толковой Псалтири: «ови убо иносказательнѣ сего изъявиша, ови же възводителнѣ и премирнѣ, нѣции же по писмени простѣ сего изложиша, яко възкупѣ мощно быти книгу чтущему и изложением еже по писмени сладости исплзнитися духовныа и изъавлением иносказательным и правоучительным получение обычаем и уклонение на лучшее доволнѣ прияти» [Синицына 2008: 155]. Использованная афонским иноком терминология обнаруживает частичное сходство с той, которая засвидетельствована в одном маленьком трактате, переведенном с латыни, о четырех способах толкования Священного Писания (далее сокр. Толкования)¹:

Максим Грек	<i>Modi exponendi</i>
иносказательнѣ	sensus allegoricus
възводителнѣ и премирнѣ	sensus anagogicus
по писмени	sensus literalis
правоучительным	sensus tropologicus

В тексте Толкования читаем, между прочим, следующее место: или оубо исторически. или по соущемоу писменномѣ рѣзумѣ. или иносказателнѣ. и по высококомѣ рѣзумѣ. или по ѡроженномѣ рѣзумѣ. правоучителнѣ иматъ приѣто быти — aut enim in historiaco vel literali intellectu, aut allegorico, aut anagogico, aut tropologico vel morali solet accipi.

Согласно Словарю русского языка XI—XVII вв. (вып. 6), термин «иносказание» впервые встречается в Толковой Псалтири Брунона (а), переведенной с латыни Дмитрием Герасимовым в 1535 г. по поручению новгородского архиепископа Макария, и в тексте Толкований (б):

¹ Издание славянского текста с параллельным латинским осуществлено в статье Tomelleri 2010a.

(a) Expositio Psalmorum Brunonis episcopi Herbipolensis — Толковая Псалтирь 1535 г.: Послѣдует иносказательным надписанием — sequitur **allegorica** descriptione (толкование к пс. cvī 28).

(б) Толкования: иносказание [аллегория] еже есть таинство или подобие, когда въ превращении глаголемъ, гдѣ иное есть въ гласѣ, а иное в разумѣнии — **Allegoria** autem est mysterium vel similitudo, quando in prefiguratione loquimur, ubi aliud est in voce, aliud in sententia.

Несмотря на то, что Толкования бытовали на восточнославянской почве почти исключительно в составе вышеупомянутой Толковой Псалтири Брунона, есть основания полагать, что они были переведены раньше нее, в последнее десятилетие XV в., т. е. во время работы над собранием и редактированием Геннадиевской Библии. В пользу такого предположения говорят как содержательные соображения, т. е. явный библейский характер изложения, так и тот текстологический факт, что в латинских инкунабулах Толковой Псалтири Брунона Толкования отсутствуют, в то время как они являются предисловием ко многим изданиям латинской Библии. Таким образом, даже без учета предположения Виммер о том, что и Толковая Псалтирь Брунона восходит к более раннему времени, чем официальная дата его создания [Wimmer 2005: 121], возможность латинского влияния на терминологию, использованную Максимом Греком, кажется более чем правдоподобной.

О том, что текст, имеющийся в предисловии к Толковой Псалтири Брунона, со временем, так сказать, освободился от своего первоначального конвоя и вошел вместе с другими текстами разного происхождения в состав церковнославянской Псалтири, я уже подробно писал в другом месте (Tomelleri 1998). Речь идет о т. н. Глаголаниях святого Августина о пользе чтения псалмов (Глѣні сѣго а'вгустина въ прологѣ псалтыри и' и'ныхъ w' силахъ псалмовъ — *Dicta sancti Augustini in prologo psalterii et aliorum de virtutibus psalmorum*).

При этом следует отметить текстологически любопытное явление двойной ошибки: вначале в переводе латинского слова, а потом в передаче славянского текста. Ошибка в переводе состоит, вероятно, в неправильном прочтении латинского оригинала, *iugum* вм. *iugem*: сѣа` оу'сты пррѣческими оу'ставилъ и' ѥ' игомъ тѣшателнѣ всегда молитиса наоу'чи — *qui hec per ora prophetica instituit, et per eorum iugem frequentationem sese exorare docuit*.

Образец текста по печатному изданию Антона Кобергера 1494 г.:

est. ipo adiuvante z donante q̄ hec per
ora prophetica instituit. z p̄ eoz iugē fre-
quentationē sese exorare docuit. Cui z

Оттуда произошла явная смысловая путаница, возмущившая переписчица списка конца XVII в. или его предшественника: из неправильной формы и' ѥ ѥгомъ тѣцѣтѣлнѣ возникло новое чтение и' по тѣцѣ | тѣлнѣ > и' потѣцѣ | тѣлнѣ, тоже неправильное с точки зрения авторского перевода, сохранившееся по сей день в изданиях церковнославянской псалтири, в которых Глаголания святого Августина являются частью предисловия к читателю.

Образец предисловия по изданию церковнославянской Псалтири 1913 г.:

Псалмы оусты пророчески оустави, и потѣцѣтѣлнѣ
всегда молѣтисѣ навѣн. ѡмѣже ѣсть хвала и чѣсть

3. Об истории грамматической терминологии.

Не суждено было пользоваться таким же успехом «Грамматическим правилам», школьному учебнику по синтаксису, переведенному в рамках той грамматической традиции, благодаря которой появился у восточных славян *Донат*, самый известный в западном Средневековье трактат о восьми частях речи. В правилах обнаруживается первая попытка создания синтаксической терминологии посредством поморфемной передачи латинских слов. Итак, в тексте обсуждаются важные понятия, как, например, введенная в Средневековье разница между именем существительным и прилагательным, категория переходности и непереходности глагола, функция подлежащего и т. д.:

Adiectivalis — прилагательный; прикладный

[*Nomen*] *adiectivum* — [имя] прикладное, прилагательное, приложное

Comparativus — приложный

Suppositum — подложное

Transitio (\neq *intransitio*) — прѣхождение, *Transitive* (\neq *intransitive*) — прѣходнѣ, *Transitivus* — прѣходный, прѣходящий

Сложность текста на понятийном и языковом уровне, неудобопонятность многих мест без привлечения латинского оригинала привели к тому, что судьба Правил была решена уже сразу после их возникновения: «Названные фрагменты принадлежат более продвинутому этапу синтаксических штудий в сравнении с тем уровнем, который был достигнут в восточнославянской традиции XVI—XVII вв. В силу достаточно специального и вместе с тем частного характера, эти переводы оказались не ко времени. <...> Их теоретические достижения остались неизвестными последующим восточнославянским грамматикам XVI—XVII вв.» [Мечковская 1984: 103—104]. Несмотря на то, что Правила представляют собой образцовый пример текста, ушедшего в тупик неизвестности и забвения, стоит подчеркнуть совпадение засвидетельствованной там грамматической терминологии с той, которая создавалась несколько столетий спустя через по-

средничество западноевропейских языков, но восходила, по сути, к латинской средневековой традиции.

4. Синтаксис переводных памятников.

Не выходя за рамки синтаксиса, закончим статью изложением некоторых общих положений о передаче синтаксических конструкций в переводных памятниках. Эти замечания касаются прежде всего текстологической стороны вопроса и переводческой техники. Общеизвестно, что большинство древнерусских письменных памятников, как оригинальных так и переводных, очень часто сохранилось только в поздних списках, иногда временно и пространственно на несколько столетий отдаленных от эпохи их создания. Это обстоятельство существенно затрудняет изучение языковой стороны текста, прежде всего фонетических и морфологических особенностей, в меньшей степени лексики и синтаксиса. Поэтому при исследовании любого сочинения нужно всегда учитывать возможность изменения орфографических норм или навыков. Синтаксис, в отличие от фонетики, фонологии и морфологии, является — в процессе переписывания или редактирования текстов — довольно консервативным, и это независимо от степени верности переписчика переписываемому им списку.

В этом аспекте мы обнаруживаем, естественно, глубокое различие, отделяющее письменную традицию от речевого узуса: в языке письменных памятников сохраняется почти неизменным именно синтаксический уровень, который в речевом развитии изменяется гораздо быстрее, чем, например, фонетика и фонология.

В недавней работе мною была предпринята попытка изучения дательного самостоятельного, винительного с инфинитивом и причастных оборотов в Толковой Псалтири Брунона [Tomelleri 2010b]; там высказано мнение о том, что переводчик Дмитрий Герасимов пользовался традиционными средствами церковнославянского синтаксиса, адаптируя их и/или придавая им новые функции согласно потребностям, вызванным практической задачей найти функциональный и, по возможности, формальный эквивалент латинскому тексту. Итак, дательный самостоятельный употребляется почти исключительно для передачи латинского *ablativus absolutus*, предикативное причастие присутствует только в прошедшем времени, тогда как причастие настоящего и прошедшего времен страдательного залога используется как перевод латинского *gerundivum*.

При этом следует исходить из неизменяемого характера латинского синтаксиса в течение Средневековья, так как латынь представляла собой язык классический и образцовый, но мертвый. Церковнославянский язык, с другой стороны, показывает двойную картину: он развивается и подвергается новому распределению форм и функций, часто под сильным влиянием греческого и частично латинского языка. Таким образом, язык-

источник практически не изменялся; с другой стороны, язык-цель, являясь в разной степени подвижным, оставался в основном одним и тем же.

Выявление синтаксических особенностей, характерных для точно локализованного переводного текста, нередко оказывает существенную помощь при определении и идентификации автора и времени составления в случае анонимных переводов. Следует, однако, отметить один весьма интересный факт — типологическое сходство решения проблем славянскими переводчиками в разных местах и в разное время. Например, латинское самостоятельное причастие прошедшего времени страдательного залога довольно часто передавалось действительной конструкцией, в которой причастная форма согласовывалась с подлежащим главного предложения:

Толковая Псалтирь Брунона (пс. III, 5):

въскрѣсѣ крѣпостію ѿложилъ мѣтвостъ
exsurrexi cum alacritate, deposita mortalitate.

Если в приведенном ниже случае псалма CLI, 6 нельзя исключать влияние традиционного церковнославянского текста, восходящего к греческой конструкции с активным причастием, в древнейших переводах с латыни, например, во *Втором Житии Вацлава* и в *Мучении святого Вита* видим:

влияние традиции? (CLI, 6):

ѧзъ же ѡзвлекъ ѿ него мечъ его ѿсѣкоуъ главоу его
ego autem evaginato ab eo gladio ipsius amputavi caput eius
Septuaginta ἐγὼ δὲ πλασάμενος τὴν παρ' αὐτοῦ μάχαιραν ἀπεκεφάλισα αὐτόν.

Второе житие Вацлава [Kantor 1983: 150—151]:

сеи поистиннѣ умомъ смыслении, поправъ мирьскаа игришта
hic namque mente moderatus, spreto caducorum ludicro.

Мучение св. Вита [Matejka 1973: 83]:

знамение сътворъ хѣво сѣа вѣжиа
signaculo Christi facti filii Dei.

Латинская традиция, которую можно определить как новгородскую по месту возникновения и московскую по идеологическому происхождению, делала доступными на восточнославянской почве самые известные на западе памятники средневековой культуры. Многие вопросы, касающиеся условий распространения латинской культуры (не только) в Новгороде, еще нуждаются в более подробном изучении и освещении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Руси (XVI—XVII вв.) // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советской делегации ученых на IV Международном съезде славистов. Москва, 1960. С. 175—207.

2. Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной литературы. Древняя Русь. XVIII в. / Ю. Д. Левин (отв. ред.). Санкт-Петербург, 1995. С. 17—73.
3. Дьячок М. Т., Шаповал В. В. Вариативность принципов транслитерации латинских слов в русской традиции начала XVII в. // Лексическая и фразеологическая семантика языков народов Сибири. / А. И. Федоров (отв. ред.). Сб. науч. тр. Новосибирск, 1987. С. 54—62.
4. Иван Федоров — первопечатник. Москва — Ленинград, 1935.
5. Исаченко А. В. Если бы в конце XV в. Новгород одержал победу над Москвой (Об одном несостоявшемся варианте истории русского языка // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 1973. В. 18. S. 48—55.
6. Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984.
7. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси. Санкт-Петербург, 1903.
8. Сеницына Н. В. Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 1. Москва, 2008.
9. Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. Москва, 2004.
10. Kantor M. The Second Old Slavic Legend of St. Wenceslas: Problems of Translation and Dating // American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists (Kiev, September 1983). V. 1: Linguistics. Columbus Ohio, 1983. P. 147—159.
11. Matejka L. Dvije crkvenoslavenske legende o Svetom Vidu // Slovo. 1973. Т. 23. P. 73—96.
12. Tomelleri V. S. Zur Geschichte des «Westlichen Einflusses» in Russland: die Dicta Sancti Augustini // Contributi italiani al XII Congresso internazionale degli Slavisti (Cracovia 27 Agosto-2 Settembre 1998). Roma, 1998. P. 147—181.
13. Tomelleri V. S. Zur kyrillischen Wiedergabe des Lateinischen im Kreis um den Novgoroder Bischof Gennadij // Die Welt der Slaven. 2005. В. 50, S. 23—32.
14. Tomelleri V. S. I quattro sensi della Scrittura in Russia // S. Bertolissi & R. Salvatore (eds). forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij. Vol. 2. Napoli: 2010a. P. 199—217.
15. Tomelleri V. S. Dativus absolutus und prädikative Partizipien: Zur Verwendung kirchenslavischer Konstruktionen in der Tolkovaja Psaltyr' Brunona (1535) // Elena Stadnik-Holzer & Georg Holzer (eds). Sprache und Leben der frühmittelalterlichen Slaven. Festschrift für Radoslav Katičić zum 80. Geburtstag. Mit den Beiträgen zu den Scheibbscher Internationalen Sprachhistorischen Tagen II und weiteren Aufsätzen. Frankfurt am Main et alibi. S. 145—160 [= Schriften über Sprachen und Texte 10].
16. Wimmer E. Novgorod — Ein Tor zum Westen? Die Übersetzungstätigkeit am Hofe des Novgoroder Erzbischofs Gennadij in ihrem historischen Kontext. Hamburg. 2005 [= Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa 13].